

Галоўны рэдактар
М.Э. ЧАСНОЎСКИ

Намеснікі галоўнага рэдактара:

А.А. ГАРБАЦКІ (*гуманітарныя і грамадскія навукі*),

У.А. ПЛЕЦЮХОЎ (*прыродазнаўчыя навукі*)

Рэдакцыйны савет:

М.А. ЛУКАШЭВІЧ, Л.Г. ЛЫСЮК, Б.М. ЛЯПЕШКА,

У.В. САЛТАНАЎ, Г.М. СЕНДЗЕР, А.Ф. РАВІНСКІ

Міжнародны савет

Н.А. БАГДАНАВА (Расія), **Я.А. ГРАБЕНІКОЎ** (Расія),

Я. ДЭМБОЎСКИ (Польшча), **Э. РАНГЕЛАВА** (Балгарыя),

Л. ШЧЭРБА (Польшча), **А. ЮЎКА** (Польшча)

Рэдакцыйная калегія

Г.І. Займіст (*адказны рэдактар па гуманітарных і грамадскіх навукках*),

Н.С. Ступень (*адказны рэдактар па прыродазнаўчых навукках*),

С.М. Агееў, В.С. Аношка, С.В. Арцёменка, М.А. Багдасараў,

В.Ф. Байнёў, В.М. Ватыль, А.М. Вітчанка, А.А. Высоцкі,

В.Е. Гайдук, А.Л. Гулевіч, М.А. Дабрынін, М.П. Жыгар,

Г.А. Зорын, Л.Г. Лысюк, У.П. Люкевіч, М.І. Ляўчук, А.К. Карабанаў,

Ч.С. Кірвель, Л.Я. Крыштаповіч, У.Ф. Мартынаў, А.В. Мацвееў,

А.А. Махнач, З.П. Мельнікава, М.І. Мішчанчук, Я.М. Мяшэчка,

А.М. Пракапеня, Д.Г. Ротман, Ст. Р. Рачэўскі, С.В. Рашэтнікаў,

А.У. Рубанаў, В.Ф. Саўчук, У.А. Сенькавец, Я.У. Скакун,

А.С. Сляповіч, А.І. Смолік, В.А. Сцепановіч, В.І. Сянкевіч,

У.С. Секяржыцкі, М.М. Труш, У.М. Хоміч, Я.К. Яловічава,

М.П. Ярчак

Заснавальнік: Установа адукацыі “Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя
А.С. Пушкіна”

Вучоныя запіскі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна
[Тэкс]: зб. навук. прац : у 2 т. / заснава. – установа адукацыі “Брэсц. дзярж. ун-т імя
А. С. Пушкіна”. – 2006. – Брэст : Выд-ва БрДУ, 2006. – 1 раз у год. – ISBN 985-473-217-7
Т. 2, ч. 1. – 2006. – 258 с. – 100 экз.

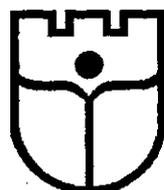
Адрас рэдакцыі: 224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 21-47-63
e-mail vesnik@brsu.brest.by

У зборніку артыкулы друкуюцца на беларускай, рускай і англійскай мовах
у залежнасці ад мовы аўтарскага арыгінала.

ISBN 985-473-217-7

© Выдавецтва УА “БрДУ
імя А.С. Пушкіна”, 2006

Вучоныя запіскі

Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

ЗБОРНИК НАУКОВЫХ ПРАЦ

2006 • Т. 2 • Ч. 1

ЗМЕСТ

СТАРОНКІ ГАЛОЎНАГА РЭДАКТАРА

Чесновский М.Э. Региональный университет на современном этапе:
состояние и перспективы развития 5

I. ГУМАНІТАРНЫЯ І ГРАМАДСКІЯ НАВУКІ

ФІЛАСОФІЯ

Лепешко Б.М. Провинциализм: социальная анатомия феномена 14

Громов М.Н., Куценко Н.А. Методологические проблемы исследования развития
восточнославянской цивилизации 23

ФІЛАЛОГІЯ

Касцючык В.М. Аказіянальныя субстытуцыі ў структуры дыялектных
фразеалагічных варыянтаў 30

Фелькня О.А. Фразеологизмы с соматическими компонентами в русском
и чешском языках 38

Швед І.А. Міфапаэтычная касмалогія паводле беларускага фальклору 48

Потолков Ю.В. Поиски общечеловеческого нравственного идеала в русской
литературе конца XX века 60

Жигалова М.П. Эпистолярный жанр античности: жанрово-стилевая
и методическая парадигма 69

Даренский В.Ю. Нравственная трансформация личности
в рассказе В.И. Даля "Хмель, сон и явь" 77

ПЕДАГОГІКА

Александрович Т.В. Феномен творчества: историография междисциплинарного
исследования 84

Кавалевіч М.С. Праблема прафесійнага самавызначэння:
інтэграцыйна-парадыгмальны падыход 92

УДК 330.1

В.Ф. Байнёв, О.В. Седлухо

НАУЧНО-ИННОВАЦИОННАЯ СФЕРА КАК ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

В статье анализируются и сравниваются тенденции развития научно-технической и инновационной сфер технологически развитых держав и стран СНГ. Показано, что вопреки широкой декларируемой цели перехода к инновационной экономике все страны Содружества демонстрируют негативную динамику важнейших показателей, характеризующих состояние научно-технической и инновационной сфер национальной экономики. Анализируются причины неудач, излагаются основы формирования государственной научно-технической и инновационно-промышленной политики, способной обеспечить повышение конкурентоспособности национальной экономики и реализацию стратегии технологического прорыва.

Сегодня, на рубеже тысячелетий, в числе глобальных тенденций развития мировой экономики многие исследователи уверенно называют беспрецедентное обострение и без того предельно жесткой, подчас вооруженной международной конкуренции за рынки сбыта и объективно ограниченные природные ресурсы. Отнюдь неслучайно многие «освободительно-демократические» войны последнего времени ведутся, как правило, в районе нефтяных вышек и явно имеют углеводородный «запах».

К сожалению, быстро растущий дефицит ограниченных ресурсов обусловил в определенных научных кругах обоснование и рост популярности концепции «золотого миллиарда», которая, в конечном счете, сводится к констатации принципиальной невозможности обеспечения достойного (по западным меркам) уровня жизни для всех 6 млрд. жителей Земного шара. Апологеты данной концепции скрупулезно подсчитали, что планетарных ресурсов достаточно для безбедного содержания лишь 1 млрд. землян, причем если «незолотая» (т. е. второсортная) часть человечества, осуществив научно-технологический прорыв, все же обеспечит себе аналогичный уровень жизни, то природных ресурсов хватит «на всех» лишь на 10–15 лет.

Отсюда следует принципиальный и очень многозначительный вывод, который, на наш взгляд, исчерпывающе точно объясняет многие негативные процессы, социально-экономические кризисы и прочие бесконечные беды, обрушившиеся «вдруг» на большинство развивающихся и переходных к рынку стран. Суть этого вывода сводится к тому, что вряд ли в так называемых странах «золотого миллиарда» искренне переживают по поводу технологической и социально-экономической отсталости стран «третьего» мира и переходных к рынку государств. Скорее наоборот, вопреки лукавым публичным декларациям, руководствуясь главным рыночным принципом ориентации на индивидуальный успех и действуя через щедро поощряемую ими «пятую колонну», лидеры мировой экономики готовы и будут делать все от них зависящее (а сделать сегодня они могут очень многое), чтобы ни при каких условиях не допустить указанного научно-технологического прорыва и сокращения отставания, и лучше вообще обеспечить стагнацию (в идеале – полное уничтожение) научно-технологического и инновационного потенциала в переходных и развивающихся странах.

Достижение этой стратегии означает превращение стран-аутсайдеров в источники дешевого сырья и рабской рабочей силы, то есть их колонизацию и обращение новыми планетарными «гегемонами». Только жесточайшей глобальной эксплуатацией (глобализацией) можно объяснить и без того вопиющее, но при этом быстро растущее социально-экономическое неравенство как отдельных людей, так и стран, их групп и целых континентов. В частности, комментируя сложившуюся в мире ситуацию, «Монд дипломатик» пишет: «Всеобщая торговля вещами и словами, душой телом, природой и культурой (то есть рынок. – *Лет.*) ведет к углублению неравенства. В то время как мировое производство сельскохозяйственной продукции составляет 110% потребностей человечества, ежегодно от голода умирают 30 млн. человек, более 80 млн. недоедают. В 1960 г. доход 20% наиболее состоятельных людей планеты был в 30 раз выше, чем у 20% самых бедных. Сегодня он в 82 раза больше! Из 5 млрд. землян 500 млн. живут в достатке, остальные 5,5 млрд. – в нехватке. Мир перевернулся с ног на голову...» [цит. по 1, с. 61].

Сегодня благодаря восторжествовавшему в планетарном масштабе рыночному капитализму, который своей «невидимой рукой» беспощадно делит людей (страны, континенты) на капиталистов и тружеников, собственников и наемников, богатых и бедных, баснословно богатых и совсем нищих, вполне обыденным явлением стал тот факт, что в подавляющем большинстве из более чем 200 стран мира люди получают за тот же самый по количеству и качеству труд заработную плату в десятки и сотни раз меньшую, чем в нескольких так называемых развитых странах. В итоге если в отдельных странах «золотого миллиарда» их среднестатистический житель более 2 USD ежедневно тратит только на коррекцию фигуры, то, по данным ООН, 2,8 млрд. землян, имея меньший дневной заработок, элементарно недоедают. Около 60 детей и 90 взрослых умерли от голода только с того момента, когда читатель начал чтение этой статьи. И все это происходит в то время, когда, например, американский миллиардер Д. Трамп приценивается к серьгам стоимостью 5 млн. USD для своей возлюбленной (информация MTV от 04.12.2005 г.), новоиспеченные российские капиталисты на ежегодных Ярмарках миллионеров едва ли не оптом скупают искусственные острова в Красном море и приобретают персональные авиалайнеры по цене, больше которой стоимости президентского самолета Дж. Буша, а ученые-экономисты получают Нобелевские премии за теоретическое обоснование и легитимизацию сложившейся на планете столь «эффективной» и «справедливой» рыночно-капиталистической системы хозяйствования.

Иными словами, в условиях, когда уровень развития научно-технической и инновационной сферы однозначно определяет не только место той или иной страны в иерархии технологически развитых государств, но и перспективы ее конкурентоспособности и, следовательно, шансы на элементарное выживание, научно-технической и инновационной политике необходимо придавать приоритетное значение. Так, осознание жизненно важной необходимости приоритетного развития научно-инновационной сферы наглядно демонстрируют страны мировой экономической элиты своим стремлением обеспечить наукоемкость ВВП на уровне 3% (в Японии сегодня это значение составляет 2,99%, в США – 2,7%, в ЕС – 1,95%). В частности, ЕС поставил задачу к 2010 г. поднять уровень наукоемкости ВВП до 3%.

С точки зрения любого экономиста наиболее важный (если не сказать – решающий) фактор повышения наукоемкости ВВП и борьбы за рынки наукоемкой и высокотехнологичной продукции – финансирование научно-инновационной сферы. И

действительно, статистика свидетельствует о методичном и целенаправленном наращивании объемов финансирования научных исследований и разработок практически во всех развитых странах. Так, за период 1994–2000 гг. затраты на эти цели в государствах ОЭСР увеличились с 416 до 552 млрд. USD, что соответствует росту средней наукоемкости с 2,04 до 2,24% ВВП. Если в 1992 г. США на исследования и разработки потратили в общей сложности 155,2 млрд. USD, то в 1997 г. совокупные расходы на эти цели достигали уже 183,3 млрд. USD (прирост 18%), а в Японии рост аналогичных расходов в указанный период составил от 68,3 до 73,6 млрд. USD (8%). В Швеции в течение 1993–1997 гг. затраты на исследования и разработки возросли с 4,7 до 5,9 млрд. USD (прирост 26%), а в Южной Корее только за два года они увеличились с 12,8 до 15,7 млрд. USD (23%). В итоге в 2001 г. Швеция потратила на исследования и разработки, а также связанные с ними работы 5,22% от ВВП (внутренние + бюджетные ассигнования), Финляндия – 4,38%, Германия – 3,28%, Франция – 3,26%, Великобритания – 2,57%, Австрия – 2,49% от ВВП. Следовательно, *рост расходов на научно-инновационную сферу и, как следствие, увеличение наукоемкости ВВП – магистральная тенденция развития стран мировой экономической элиты в последние десятилетия.*

При этом очень важно отметить, что специалисты однозначно констатируют ошибочность и даже пагубность распространенного (а скорее – сознательно навязанного) в переходных странах представления о том, что в государствах мировой экономической элиты именно малый бизнес обеспечивает инновационность экономического роста в целом. К сожалению, такая глобальная тенденция, как стремительная монополизация мировой экономики транснациональными корпорациями (ТНК) и банками (ГНБ), не обошла стороной и данную сферу. Согласно исследованиям известных российских специалистов (Н.И. Ивановой и др.), *научные исследования и разработки – это область, отличающаяся исключительно высокой монополизацией и концентрацией ресурсов в небольшом числе весьма крупных корпораций.* Так, всего 1% крупных фирм из общего числа компаний, ведущих научные исследования и разработки в США, контролируют 70% всех расходов на эти цели средств (частных и федеральных). Монополизация в расходовании государственных средств в США еще выше, поскольку примерно 0,5% крупных компаний получают 84% всех ассигнований на науку [4, с. 59]. Эта глобальная тенденция, выявленная в свое время еще Дж. Гэлбрейтом, является объективной, поскольку современные серьезные НИР и НИОКР являются весьма дорогостоящими, требуют колоссальных финансовых средств, и потому сегодня позволить себе такую «роскошь» могут только весьма крупные и финансово устойчивые компании.

В итоге результат проведения Западом целенаправленной и хорошо продуманной научно-технической и инновационной политики выразился в том, что в настоящее время на долю семи высокоразвитых стран мира, по некоторым оценкам, приходится от 80 до 90% объема производства наукоемкой продукции. В частности, сегодня доля США на рынке наукоемкой и высокотехнологичной продукции составляет около 25%, Японии – 11%, стран ЕС – до 35%, причем значительное упрочение их положения произошло в последние 10–15 лет.

Вопреки указанным тенденциям все государства – участники СНГ демонстрируют диаметрально противоположную (негативную) динамику развития научно-технической и инновационной сферы, причем кардинальное ухудшение ситуации произошло именно в последние 10–15 лет их «рыночного оздоровления».

Несмотря на то, что при обосновании необходимости рыночных реформ в качестве фундаментального недостатка планово-директивной экономики неизменно обозначалась низкая инновационная восприимчивость последней, вопреки всем заверениям идеологов «великого перехода» все без исключения страны СНГ по мере построения рыночных систем хозяйствования демонстрируют обвальное (в 2–11 раз) снижение наукоемкости ВВП (таблица 1). Как следствие, резко снизилась доля стран региона на рынке наукоемкой и высокотехнологичной продукции. По оценкам специалистов Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, за последние 10–12 лет доля наукоемкого сектора на внутреннем отечественном рынке сократилась с 12 до 6%, а удельный вес России в мировой наукоемкой отрасли снизился в 8–9 раз и составил менее 1%. По другим оценкам, российская доля на анализируемом рынке сегодня гораздо меньше и составляет лишь 0,3%. С учетом лидирующих позиций в научно-инновационной сфере России, унаследовавшей большую часть научно-технологического потенциала бывшего СССР, вполне закономерно, что другие страны региона СНГ демонстрируют отнюдь не лучшие показатели.

Наивная вера в чудотворную силу «невидимой руки» привела к тому, что все без исключения страны региона за 10–15 лет перехода к рынку резко сократили объемы финансирования НИР и НИОКР по отношению к ВВП. Так, в Армении, Грузии, Кыргызстане, Молдове, Таджикистане в 2000 г. этот показатель составил в среднем от уровня 1990 г. лишь 16–18%, в Казахстане, России, Узбекистане – 30–33%. Относительно лучшее положение сложилось в Азербайджане, Беларуси и Украине, где этот показатель достиг соответственно 40, 51 и 56% от уровня 1990 г. В итоге если в 1991 г. по показателю доли в ВВП расходов на НИР и НИОКР страны Содружества находились на среднем уровне по сравнению со странами ОЭСР, то в процессе рыночных реформ в этой системе классификации они оказались в группе государств с малым научным потенциалом наряду с Новой Зеландией и ниже [5, с. 339].

В то время как в развитых странах мира объем финансирования НИР и НИОКР сегодня составляет 2,5–3,5% от ВВП и более, в любой из стран СНГ эта величина в несколько раз ниже. В конечном счете такой рыночно-ориентированный подход к развитию этой жизненно важной сферы закономерно и очень быстро обеспечил превращение державы со второй в мире экономикой, которая совсем недавно на равных соперничала с США по ряду направлений современной науки и техники, в страну с «догоняющей Португалию экономикой», имеющей реальные шансы превратиться в интеллектуально-технологическое захолустье с прикованным к «сырьевой тачке» и быстро вымирающим населением.

Таблица 1 – Динамика наукоемкости ВВП в странах СНГ
в трансформационный период 1990–2003 гг.

Страна	Стоимость (объем) выполненных научных исследований, разработок и научно-технических услуг, % к ВВП			
	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2003 г.
Азербайджан	1,0	0,31	0,35	0,2
Армения	2,5	0,30	0,26	0,3
Беларусь	2,3	0,95	0,81	0,7
Грузия	1,2	0,11	0,19	0,1
Казахстан	0,7	0,27	0,17	0,3
Кыргызстан	0,7	0,26	0,13	0,2

Продолжение таблицы I

Молдова	1,6	0,75	0,58	0,4
Россия	3,0	0,81	1,28	1,5
Таджикистан	0,7	0,11	0,07	0,06
Туркменистан	0,7	0,26	0,10	-
Узбекистан	1,2	0,39	0,36	-
Украина	2,3	1,34	1,14	1,1

Примечания: 1999 г.; составлено по данным [5, с. 340; 6, с. 164].

Так, если официальная оценка происходящих в научно-инновационной сфере России процессов характеризует их как «ослабление научно-технического и технологического потенциала страны, сокращение исследований на стратегически важных направлениях развития, отток за рубеж специалистов и интеллектуальной собственности, увеличивающийся технологический отрыв от ряда ведущих держав» (Концепция национальной безопасности РФ), то оценки самих ученых менее сдержанны: «стремительная деградация научно-производственного потенциала страны... разгром отечественной фундаментальной и прикладной науки... движение истории вспять» [4, с. 167]. В частности, по мнению директора Института Европы РАН академика Н. Шмелева, за прошедшие 10–15 лет 2/3 научно-исследовательского потенциала России было либо полностью, либо частично разрушено, а перед страной возникла перспектива превратиться в интеллектуальное и технологическое захолустье. При этом, считает академик, расходы на фундаментальную науку, НИОКР и образование были *преднамеренно* и *целенаправленно* (несомненно, стараниями упоминавшейся «пятой колонны») сокращены более чем на порядок [8, с. 17]. И хотя, по словам заместителя Председателя Государственной Думы РФ Л. Слиски, «в бюджете 2006 г. заложено увеличение расходов на науку, однако этого все равно недостаточно для того, чтобы достичь хотя бы уровня 1980 г.» (из интервью программе «Воскресный вечер» на НТВ от 25 сент. 2005 г.).

Сокращение объемов финансирования исследований и разработок закономерно привело к «голоду» на идеи и открытия, значительному снижению результативности НИР и НИОКР, уменьшению числа патентов на открытия и изобретения, сокращению числа инновационно-активных промышленных предприятий, оттоку специалистов из отрасли и вообще за рубеж, снижению авторитета науки стран СНГ и т. п. В частности, если в начале 1980-х годов в СССР ежегодно регистрировалось около 100 тыс. патентных заявок, то сегодня в странах СНГ это число снизилось более чем в 2,5 раза (в России в 2003 г. подано 24 969 заявок, в Беларуси – 1 259 заявок). Если в бывшем СССР около 60% предприятий попадали в категорию инновационно-активных, то в 2003 г. в Беларуси было 314 предприятий (13,6% от их общего числа), так или иначе связанных с осуществлением инноваций, в России таких предприятий насчитывалось 2191 (10,3%), а в других странах СНГ этот показатель был еще хуже. Для сравнения: сегодня в странах ЕС доля инновационно-активных предприятий превышает 50%. Если в середине 1960-х годов средний индекс цитирования работ советских ученых в мировой научной литературе уступал американскому примерно в 1,5 раза, то сегодня этот разрыв вырос почти в 10 раз.

Разумеется, отмеченные негативные процессы очень быстро отразились и на социально-экономической ситуации в странах исследуемого региона. Так, если в 1990 г. по интегральному показателю уровня жизни Россия занимала 33 место среди 198 стран мира, то всего лишь полтора десятилетия «рыночного оздоровления»

экономики опустили ее на 27 позиций. Кстати, согласно сведениям, опубликованным Евразийским международным научно-аналитическим журналом [3, с. 65], в СССР индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) не намного уступал данному индексу в США: если в СССР его величина составляла 0,920 (26-е место в мире), то в США – 0,961 (19-е место). За годы «рыночного оздоровления» этот разрыв увеличился почти в десять раз. Указанное ухудшение произошло вследствие целого ряда сравнимых с национальной катастрофой причин, среди которых [2, 7, 9]:

- а) снижение в 2–3 раза реальных доходов населения;
- б) сокращение на 6–9 лет ожидаемой при рождении продолжительности жизни;
- в) сопоставимая с военной ситуацией депопуляция населения на 500–900 тыс. человек ежегодно и его прогрессирующая деградация (некоторые ученые называют депопуляцию, наблюдаемую с начала рыночных реформ, «рыночным экономическим геноцидом» [7, с. 166; 9, с. 180]);
- г) падение объемов ВВП, промышленного производства и производительности труда в 1,5–2 раза и т. д.

Считается, что одним из наиболее ярких показателей регресса научно-инновационной сферы и снижения научно-инновационного потенциала стран СНГ является сокращение численности работников, занятых научными исследованиями и разработками, за счет оттока в другие более доходные сферы деятельности и за рубеж (таблица 2). При этом на фоне быстрого сокращения общей численности исследователей существенно снизилась и их квалификация. Так, за рассмотренный в таблице 2 период доли специалистов научно-инновационной сферы, имеющих ученые степени, по всем странам СНГ сократилась в среднем на 26% (в Беларуси – на 33%, а в России – на 24%).

Таблица 2 – Динамика численности работников, выполнявших научные исследования и разработки в государствах – участниках СНГ в период 1991–2003 гг.

Страна	Численность работников, выполнявших научные исследования и разработки (исследователи и техники без учета вспомогательного и прочего персонала), тыс. чел.			
	1991	1995	2000	2003
Азербайджан	16,4	13,1	11,6	12,7
Армения	17,2	6,7	6,5	5,0
Беларусь	59,3	26,9	22,3	20,0
Грузия	24,9	18,9	11,1	13,5
Казахстан	27,6	18,0	10,2	11,2
Кыргызстан	5,7	3,6	2,3	2,2
Молдова	12,9	5,8	4,1	3,1
Россия	1079,0	620,1	501,0	481,5
Таджикистан	4,4	1,8	2,1	1,8
Туркменистан	5,7	4,0	-	-
Узбекистан	41,3	16,9	-	-
Украина	295,0	179,8	120,8	104,8

Источники: [5, с. 343; 6, с. 165].

В результате указанных просчетов в области научно-технической и инновационной политики государства – участники СНГ закономерно понесли